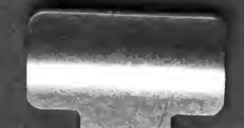
РЕЧЬ НА ТРЕТЬЕМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО...

Leon Trotsky

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.
ОТДЕЛ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ.

L. Trotskii

Л. ТРОЦКИЙ.

Rech na III vserossiiskom s'ezde...

РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

МОСКВА—1920.

Доклад т. Троцкого на об'единенном заседании III с'езда С. Н. Х. и московского Совета Раб. и Кр. Депутатов.

Товарищи! Картина, которую нарисовал перед нами председатель В. С. Н. Х. *), ни в коем случае не может быть названа отрадной. И несомненно, что наши враги и внутри страны и особенно извне постараются широко использовать те цифры, те данные, которые с откровенностью, характеризующей политику и работу советской власти, здесь перед нами развил т. Рыков.

Не только открыто оплачиваемые представители капитализма доказывают в западно-европейской печати, что советский режим разрушает и губит хозяйство, по этому же пути идут социал-соглашатели с их главой Каутским, который в последней своей книге «Россия» развивает ту же самую мысль, что советский режим по сути своей несовместим с развитием хозяйства. Тут, товарищи, мы имели бы полное право для проверки этого утверждения произвести сравнительную оценку нашего хозяйства и хозяйства Западной Европы, где оно опирается на несравненно более могущественную базу.

Что представляет собою хозяйство Германии? Оно представляет собою все возрастающий упадок. Германская угольная промышленность расшатана, шахты закрываются одна за другой, снабжение электричеством падает, заводы не выполняют и незначительной доли заказов, безработица угрожающе растет и транспорт падает все более и более. Что сказать об Австрии, об этой стране тьмы, нищеты и всесторонней безвыходности? Ее хозяйство разрушено в конец, улицы ее городов темнее, чем наши, трамваи остановились, железные дороги накануне полного разрушения во всяком случае не в лучшем положении чем наши.

А в странах-победительницах? Во Франции вся северная часть, т.-е. ее наиболее промышленно развитая, цветущая часть находится в состоянии полного распада и развала. Французская металлургия, французская текстильная промышленность, французская металлообрабатывающая промышленность, сахарная промышленность суассонского района —все это разрушено, уничтожено, разбито до основания; свекловичные плантации северной Франции представляют собою теперь поля мерзости и запустения, где почва совершенно разрушена на большую глубину тяжелыми снарядами и где земля, когда-то благодатная, соединена с осколками чугуна и с бесчисленным количеством колючей проволоки. Понадобятся месяцы и годы, чтобы эту почву сделать способной произрастать.

Бельгия находится в состоянии полной нищеты. Там кризис транспорта, кроме гужевого, достиг последней остроты; люди превращаются, по словам одного американца Вандерлиба, во вьючных животных: они впрягаются в телеги за отсутствием лошадей.

Таким образом мы имеем факты, которые перерастают режим, которые коренятся в условиях многолетней войны, разрушавшей продукты труда при помощи других дорого стоющих продуктов труда. Европейская культура изнашивается вдвойне, вырывая рабочих из производства и заставляя производить только то, что нужно для разрушения продуктов вчерашнего труда. Так жила Европа годы и подорвала свое хозяйство. Названный мною деловой американец Вандерлиб, представитель фирмы Моргана, говорит о гибели Европы без помощи Америки и конста-

*) В своем докладе III-му С'езду Совнархозов.

тирует факт, который в высшей степени знаменателен для Европы и который открывает, наоборот, большой просвет для нас. Он говорит о том, что Европа охвачена трудовым параличем, что широкая волна всеобщей лености, всеобщей пассивности охватывает Европу. Да и как же иначе после нескольких лет чудовищного напряжения всех сил, после разбитых надежд, когда пролетариат Европы возвращается к старым капиталистическим стойлам, возвращается к колоссальной буржуазной эксплоатации, как он может найти новые источники энергии и силы, когда все охвачены состоянием паралича или, как выразился Вандерлиб, «волной необычайной лености»? И это не только отзыв американца, страны которого—Америки—эта волна разрушения не охватила вполне. Такой же отзыв, хотя несколько прикрытый, дает наиболее компетентный представитель французской промышленности. Я приведу красноречивые слова французского инженера Жуге. Вот картина, которую он рисует.

«Во время войны железные дороги совершали колоссальную работу. Восстановления в полном об'еме не производилось; изнашивание не покрывалось, основной ремонт не совершался. Таким образом, во всех без исключения областях железнодорожный аппарат накоплял элементы расстройства. Личный персонал изнашивался, как и материальная часть. Притока свежих сил не было,—чтобы заполнить брешь, привлекали либо уже уволенных служащих, либо из территориальных войск, т.-е. старшего возраста и без необходимой выучки. Кризис жел. дорог,—говорит Жуге,—в значительной мере кризис неопытности».

Таким образом мы наблюдаем факторы психического духовного подкопа истории под капиталистическую промышленность. У людей не хватает больше энергии, решимости, воли, охоты, способности тянуть дальше ярмо капитализма. И этот представитель государственных жел. дорог инженер Жуге говорит то же самое, что американский наблюдатель. Тот говорит о волне «поразительной лености», а этот говорит об усталости, об утомлении, о пассивности. Он изобретает меры и средства в своем дальнейшем докладе, как преодолеть эту волну, но мы с вами отдаем себе ясный отчет в том, что буржуазный мир Европы этой волны преодолеть не может. Буржуазия слишком много энергии, физической и моральной силы извлекла из рабочего класса в течение империалистической войны, слишком обманула его надежды и ожидания, чтобы ныне открыть еще новый источник потенциальной, подспудной энергии рабочего класса. Рабочий класс Европы только в тот час окажется способным найти в себе достаточно запасов творческой энергии, когда ответственность за хозяйство Европы ляжет непосредственно на него.

Товарищи, все то, что было в Европе, у нас было в сугубой степени.

Тов. Рыков говорил вам здесь о том, как мы лишились в течение двух лет,—механически лишились, так как были отрезаны, важнейших областей нашего сырья и нашей индустрии. Мы были отрезаны от Польши с домбровским угольным районом, который, правда, питал, главным образом всю польскую промышленность; мы были отрезаны от нашего юга, который давал никак не меньше 90% нашего угля, если не считать домбровского района и если не считать ввозного угля. Мы ввозили около полумиллиарда, на юге получали миллиард и три четверти.

Мы были отрезаны от источников нашей нефти, которые давали нам до шестисот миллионов пудов. Наша промышленность на две трети кормилась минеральным топливом, твердым и жидким. Сразу отрезать все это—значило из-под здания вырвать колоссальную часть его фундамента. Конечно, оно должно было потрястись сверху до низу, и часть должна была обвалиться. Приходится поражаться, что это здание хотя бы на 20—30% живо и существует, что кое-какие колеса еще вращаются.

Мы были отрезаны от Туркестана с его хлопком. Наш транспорт кормился в значительной мере углем и нефтью. Наши жел. дороги пожирали около полумиллиарда твердого и жидкого топлива в год. Почти сразу это было вырвано из наших рук. Можно-ли здесь обвинять

режим? Я не говорю об отдельных учреждениях В. С. Н. Х. или его органах, но режим в целом и всю советскую власть и политику, экспроприацию крупных предприятий, железных дорог? Здесь-ли источник зла? Товарищи, фабрика может быть капиталистической, единоличной, акционерной, может быть частью треста, может быть социализированной в переходный советский период, или может быть частью законченного коммунистического хозяйства, но если у нее отнять топливо, если у нее отнять сырье,—ее труба не будет дымиться, ее колеса не будут вращаться. Из тех цифр, которые перед нами развернул т. Рыков, сделать вывод против советского режима, против перехода к коммунистическому хозяйству могут только приверженцы капитализма и шарлатаны, спекулирующие на темноту и на невежество наиболее отсталой части рабочих масс.

Мы знаем, товарищи, из истории, что переход от одного хозяйственного строя к другому всегда п[окуп]ался неисчислимыми жертвами и в том числе жертвами в области хозяйства. Человечество в силу своей косности и невежества вовсе не развивается со ступеньки на ступеньку вверх, правильно всходя и делаясь все более и более мощным. Этого нет. Человек бредет вперед, спотыкаясь и падая, и иной раз падая гораздо ниже, чем стоял вчера, и потом только вновь поднимаясь. Человечество стояло долгое время на ступеньке рабства, прежде чем дошло до крепостного права. Оно стояло так, пока все это не было раздавлено волной варварства, которая смела старую рабскую культуру. Все это покупалось ценой разрушения, ценой гражданской войны. Французские рабочие, французские ремесленники были под конец французской революции гораздо беднее, чем в ее начале. Они восстали вследствие своей бедности и угнетения, но самая борьба, гражданская война и мировые войны, которые она вызвала, все это в совокупности еще больше увеличило бедность, но вместе с тем создало основы для увеличения богатства. И буржуазная Франция с ее могуществом, с ее культурой выросла из страданий, ужасов и бедности, отчаянной бедности, какая была порождена великой французской революцией.

Получается такое впечатление, что человечество, это застойное, консервативное неподвижное человечество, стоит на одной ступеньке и, когда ему нужно подняться выше, то эта ступенька, на которую он поднялся, проваливается под ним, и он одной ногой, а то и обоими, увязнет глубже, чем вчера, и потом только начнет карабкаться вверх. Так и с нами и со всем европейским мировым хозяйством и его развитием.

Это, товарищи, опыт прошлого,—а мы обязаны теперь, чтобы не утратить перспектив и не потерять духа, отдать себе отчет в характере и смысле переходной эпохи, порождающей у нас новый фактор неоценимого значения—сознательного пролетария, члена гармонически согласованного общества, который чувствует себя ответственным за судьбы своей страны и своего хозяйства.

Воспитание работника-пролетария теперь происходит в бедствиях, в нищете, которые являются продуктом переходной эпохи, войн, гражданских столкновений, наступлений, стремления к спекуляции, остатков буржуазных навыков. Одно сочетается с другим в ужасающий кровавый узел, в петлю, которая готова нас задушить.

Но в этих условиях каждый рабочий, каждая работница приучаются оценивать хозяйство в целом, учатся понимать зависимость своей личной судьбы, своего очага, от тех паровозов, о которых вам говорил тов. Ломоносов, о которых вам говорил сегодня тов. Рыков. Каждый работник, каждая работница и подростки семей рабочих учатся понимать, что значит Туркестан для нашего нового объединенного хозяйства, что значит Донецкий бассейн.

И это новое воспитание сотен, тысяч и миллионов, привлечение их внимания, их энергии, их воли к производству, к хозяйству, есть наше завтра и послезавтра. Это завоевание позволяет нам уже сегодня не величайшее завоевание, которое во всей своей силе должно сказаться только не опускать рук перед этой страшной картиной всероссийск[о]

разложения, а, наоборот, говорить себе, с полной и глубокой уверенностью, что мы справимся и с этим самым страшным и всеоб'емлющим врагом.

Товарищи, ряд лет пройдет—трудно сейчас сказать сколько—пока будет установлено правильное взаимоотношение, согласованность между основными элементами производства. Тов. Рыков говорил, и это для нас, для марксистов, для представителей рабочего класса,—основная истина, что и сейчас наиболее важным и основным фактором и производства, и нашей политики в производстве, является квалифицированная часть, головной отряд, авангард трудящихся масс. На этом квалифицированном авангарде рабочего класса строилась советская власть. Он вынес на своих плечах революцию, он вынес на своих плечах армию, и выносит и сейчас, и он должен вынести и вынесет на своих плечах производство. Задача в области производства для квалифицированных рабочих будет тем более велика и сложна, что вопрос о нашем механическом оборудовании остается и останется еще на продолжительный период большим, сложным и тревожным вопросом. Мы знаем, сколько у нас паровозов, здоровых и больных, причем здоровыми мы сплошь называем полубольные паровозы, которые угрожают завтра заболеть. Мы знаем, что для того, чтобы число больных паровозов не превысило 59%, нам нужно ремонтировать 10%, а мы сегодня ремонтируем только 2%, и стало-быть процент 59 больных грозит все более выростать. Но в отношении машинного оборудования нашей промышленности наши сведения не отличаются такой точностью, во-первых, потому, что мы получили промышленность не из рук государства, как одно централизованное целое,—таков был переход железных дорог,—а потому, что мы ее социализировали и об'единяли из рук отдельных предпринимателей и, в лучшем случае, из рук капиталистических трестов, еще также и потому, что в области промышленности из-за отсутствия сырья, из-за отсутствия топлива, которое пожиралось в значительной мере теми же железными дорогами из наших скудных рессурсов, в области промышленности мы так низко опустились, что не приводим в движение, далеко не используем то материальное и механическое оборудование, которое имеется.

Нет сомнения, что за эти годы войны, революции, гражданских столкновений, эвакуаций и реэвакуаций наши машины, наша промышленная техника подверглась колоссальному износу, утере и механическому разрушению. Все это нужно взять на учет и, само собой разумеется, чем точнее хозяйственный план, чем он более охвачен одною централизованной мыслью, чем лучше распределены элементы нашей техники на важнейших для нас предприятиях, тем менее болезненно мы будем чувствовать наше техническое оскудение.

Но, поскольку Европа и Америка, которая, в первую голову, должна будет обслуживать Западную Европу, поскольку они в течение ближайших лет нам дадут незначительное количество машин, поскольку у нас машинное оборудование приходит в все более тяжкое состояние, постольку основным рычагом нашего хозяйства является вдвойне и втройне рабочая сила, в первую голову квалифицированный промышленно-индустриальный пролетариат и затем широкие рессурсы сырой рабочей силы, из которой мы должны извлекать в дальнейшем все больше и больше квалифицированных элементов, путем их соответственной обработки и обучения. Я затрону этот вопрос лишь в самых общих чертах.

Всем известно, что революция и гражданская война обращались с передовыми рабочими еще более хищнически, беспощаднее, чем с сырым материалом и машинным оборудованием. В первых отрядах красногвардейцев из Питера и Москвы уходили лучшие металлисты, лучшие текстильщики, которые гибли на Дону, на Украине, во всех частях страны. В продотряды уходили квалифицированные рабочие. Когда развернулась наша гражданская война, наша красная армия стала великой пожирательницей передовых рабочих Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Урала, всех районов и очагов нашей про-

мышленности. И когда мы открывали для революции новые области и строили там советскую власть, туда немедленно втягивалось известное число передовых рабочих.

Наконец, голод, квартирное неустройство и холод выгоняли рабочих из промышленных центров в деревни, и не только в деревни, но и в ряды спекуляции, в ряды паразитизма.

Таким образом происходило и происходит еще сейчас распыление рабочего класса, и здесь, товарищи, первый завет и первый зарок для нас—взять на точный учет всех квалифицированных и просто обученных рабочих, рассматривать их, как солдат промышленности, как охрану, опору, основу, творческую силу нашей советской страны, чтобы ни один не уплывал между пальцев, как это происходит сейчас, когда в индустрии числится в профессиональных союзах 1.150,000 организованных рабочих, а на заводах соответственных категорий числится только 850,000.

Вот уже утечка трехсот тысяч квалифицированных рабочих. Мы должны их разыскать, мы должны их организовать, учесть.

И прежде всего систему проведения трудовой повинности мы должны начать с того, что каждому квалифицированному, обученному рабочему мы должны вручить рабочую трудовую книжку.

Разумеется, товарищи, как здесь говорил тов. Рыков и как ясно само по себе, мы в течение ближайшего года не сделаем в области производства, стало быть, в области учета, мобилизации рабочих сил, не сделаем серьезного шага вперед, если мы не разрешим хотя бы частично, хотя бы постепенно продовольственного вопроса.

Но здесь именно возвращение богатейших в продовольственном отношении окраин открывает перед нами широкие перспективы.

Мы можем прокормить рабочих и работниц и их семьи. Цифры говорят об этом своим красноречивым языком.

Накануне войны, в 1913 году, у нас было 900 миллионов пудов хлеба избытка над продовольственными потребностями страны. Если считать на каждого едока по 15 пудов в год—норма, о которой теперь русский рабочий класс не может и мечтать—свыше 15 пудов на каждого едока, то избыток—900 милл.

Вывозилось за границу до войны, за пятилетие, в среднем около ¾ миллиарда пудов в год. Ниже полумиллиарда пудов в год вывоз почти не падал за 15 лет.

Стало быть нам нужно теперь из того избытка, который вывозился, конечно, из статистического избытка, ибо и тогда были голодающие и умирающие, из этого избытка нужно собрать половину от 900 миллионов, одну треть, одну четвертую часть, и мы будем обеспечены на ближайший продовольственный хозяйственный период.

Эта задача должна быть сейчас поставлена органами наркомпрода, органами военного ведомства и всеми хозяйственными советскими учреждениями страны, как основная задача, как первейшая задача.

Как вчера мы ставили задачей оборону границы советской республики, так теперь должна быть поставлена задача добыть, сосредоточить, погрузить, перевезти достаточное количество хлеба, мяса, жиров, рыбы, чтобы обеспечить рабочий класс минимальным необходимым продовольственным пайком.

Как велика зависимость трудовой энергии от продовольствия, об этом не нужно больших теоретических выкладок. Мне один инженер, который руководит, главным образом, простыми строительными работами, говорил, что он на практике подсчитал, что при увеличении пайка в два раза производительность труда соответственных рабочих увеличивается в три, в три с половиной раза.

При этом, разумеется,—колоссальная экономия на жилища, на инструменты, на освещение и отопление.

Словом, товарищи, нам нет надобности убеждать друг друга, что выгодно кормить рабочего человека. Нам нужно эту нашу задачу, как главнейшую задачу страны, поставить перед всеми органами, особенно на наших хлебородных окраинах. Мы это сделаем. Мы должны до-

стигнуть, и мы достигнем того, что 300 миллионов пудов хлеба и всего прочего, что нужно, должно быть и будет сосредоточено в главных промышленных районах. Мы создадим там продовольственные базы пролетариата, как создали продовольственные базы для красной армии.

Но, товарищи, вопрос стоит не только об индустриальном пролетариате. Он стоит для нас и становится все шире и шире, как вопрос о привлечении сырой рабочей силы. Мы были лишены угля. Мы были лишены нефти. Мы теперь только вошли в область угля, но мы не взяли угля. Там только жалкие остатки того, чего не захватил Деникин, как на Урале и в томском горном округе жалкие остатки того, чего не захватил Колчак. Там у нас только продовольственные планы, которые, разумеется, мы будем выполнять, чем дальше, тем успешнее, но еще в течение ближайшего хозяйственного периода мы будем строить на полене дров, пока не получим донецкого угля.

Стало быть, поставка дров, заготовка дров, торфа, сланцев является сейчас ближайшей задачей, требующей сосредоточения огромного количества рабочей силы, в большинстве простой, сырой, необученной рабочей силы, под ответственным техническим руководством.

Товарищ Кржижановский в очень интересной статье, которая была напечатана в «Правде», нарисовал картину того, как мы можем всю страну отопить и осветить при помощи торфа. По его выкладкам, у нас торфяных богатств в три раза больше, если память мне не изменяет, чем лесных. Он доказывает, что наши торфяные болота могут нас освещать и отоплять 150 лет подряд. Мы с вами не так требовательны, мы удовлетворимся, если в течение пяти лет, пока мы не возьмем в руки Донецкий бассейн, Северный Кавказ, бакинскую и эмбенскую нефть, если в течение этих пяти лет торф будет выполнять роль минерального топлива.

Разумеется, товарищи, здесь много технически неразрешенного. У наших техников есть свои группировки, свои, так сказать, фракции: имеются торфисты, сланцисты, в роде как в политике различные политические фракции, и нужно сказать, что это само по себе—уже первый шаг вперед, ибо наша задача состоит в том, чтобы политику развить в хозяйстве. И когда наше трудовое население будет делиться на группы, на фракции и союзы, поддерживающие торфистов, сланцистов, постройку определенных дорог и проч., когда мы забудем о меньшевиках, эсерах, монархистах, синдикалистах, и когда-нибудь впоследствии и о большевиках, то, разумеется, это будет огромным шагом вперед и будет означать, что мы присутствуем при осуществлении аппарата хозяйственной власти коммунизма, что мы перешли к осуществлению коммунизма и что это захватывает за живое миллионы трудящихся масс.

Но, во всяком случае, кто бы ни был больше прав сейчас, торфисты или сланцисты, т.-е. те, которые больше нажимают на торф, или те, которые придают большее значение сланцу, и там и здесь необходимо применение огромных масс неквалифицированного труда, главным образом, крестьянского труда.

В области квалифицированной рабочей силы решающая роль остается за профессиональными союзами. Через них образуются хозяйственные об'единения, через них получают и дальше будут получать лучше, точнее, шире, чем сейчас, необходимых работников.

Поскольку дело касается неквалифицированной, сырой рабочей силы, она может быть поднята только при помощи широких массовых мобилизаций, соответственно, разумеется, рассчитанных и приуроченных во времени и в пространстве.

Здесь мы встречаемся, прежде всего, с вопросом политическим. Мы должны будем мобилизовать для торфяных, для сланцевых работ, для восстановления ж. д. эту силу в таком об'еме, в каком мы этого еще не делали. А в тоже время наша текстильная, металлическая промышленности слишком мало еще дают крестьянину из того, что ему необходимо. И мы должны будем крестьянину снова сказать, что то, что мы от него требуем, это не есть отработок за землю, какую ему дала советская

революция, а это есть задаток под тот ситец, под тот гвоздь, керосин, чай и сахар, какой ему завтра даст наша обрабатывающая промышленность.

И настолько это в деревню проникло, настолько проникла общегосударственная советская мысль: руководимый передовыми рабочими наш крестьянин нас поймет, а наиболее косные или близкие к кулацким элементам крестьяне, которые будут упираться, разумеется, будут принуждены считаться с непреложной потребностью советского хозяйства путем принуждения, путем применения военной силы, как это было в отношении воинской повинности.

Разумеется, менее всего нас могут отшатнуть крики капиталистических критиков о том, что мы нарушаем капиталистический принцип свободы труда. Мы этих принципов не знаем.

При капитализме свобода труда означает для одних свободу эксплоатации труда, для других—свободу быть эксплоатируемыми.

Это мы разрушили, и наша советская конституция ясно и отчетливо говорит о том, что начало всеобщей трудовой повинности есть краеугольный камень в здании социалистического хозяйства. Наш кодекс труда кладет в свою основу принцип трудовой повинности. Но это пока еще только принцип.

На практике мы прибегали к трудовой повинности только от времени к времени, от случая к случаю, до сих пор без общего хозяйственного плана и без соответственного аппарата.

Но именно теперь, когда мы, правда, еще не завершили наших военных задач, мы ни в коем случае не будем требовать дальше для военного ведомства, для армии так много, как требовали до сих пор; требования армии будут уменьшаться со дня на день.

Теперь, когда все мысли должны быть направлены на разрешение хозяйственных нужд и когда в основу работ должен быть заложен правильный хозяйственный план, проведение трудовой повинности в жизнь становится нашей неотложнейшей задачей.

И та комиссия по трудовой повинности, которая была создана Советом Народных Комиссаров, так и поставила вопрос. Она предложила нашим хозяйственным ведомствам: Советам Н. Х., комиссариату путей, комиссариату земледелия, комиссариату продовольствия предоставить свой годовой хозяйственный план в переводе на цифры рабочей силы: сколько вам, В. С. Н. Х., в совокупности ваших главков и центров, сколько вам, наркомпути, нужно в течение ближайшего хозяйственного периода рабочих, каких категорий, сколько неквалифицированной сырой рабочей силы, в каких частях страны и в какое время года (если это для сезонных работ). Эти ведомства—заказчики, потребители рабочей силы. Затем эти данные всех хозяйственных ведомств надо свести во-едино и согласовать и в обобщенном итоговом виде приурочить к отдельным районам страны. Должен быть орган, который эту работу мог бы выполнить в центре и на местах. Но прежде всего нужно еще условиться о содержании работ этих органов.

Разумеется, туда должны входить профсоюзы, прямо или через комиссариат труда в лице его учетно-распределительного отдела—отдела учета и распределения рабочей силы.

Поскольку дело касается квалифицированных рабочих, тут, как я говорил, первая основная задача выпадает профсоюзам. Только там, где методы профсоюза недостаточны, там необходим какой-то другой дополнительный аппарат и в частности—метод принуждения, ибо трудовая повинность предполагает, что государство имеет право сказать квалифицированному рабочему, который сидит в селе для каких-нибудь починочных работ: «ты обязан отсюда сняться и отправиться в Сормово или на коломенский завод, ибо ты там нужен».

Трудовая повинность означает, что квалифицированный рабочий, выходящий из рядов армии, должен со своей трудовой книжкой в руках отправиться туда, где его присутствие необходимо, во имя хозяйственного плана страны. Трудовая повинность предполагает право государства, рабочего государства, приказать рабочему выйти из про-

мыслов кустарных, не говоря уже о паразитарных рядах спекуляции, и перейти в центральные государственные предприятия, которые без этих категорий рабочих не могут работать. Наконец, перевод рабочей силы из одного предприятия в другое, в зависимости от хозяйственного плана, от близости сырья и других экономических условий, опять-таки входит целиком в права централизованного социалистического хозяйства и представляющего его государства. Далее за этим следует мобилизация рабочей силы. Все это—на основе централизованного общегосударственного плана.

Трудности будут велики. Представленный план, разумеется, является еще черновым наброском, ибо составители плана сами принуждены считаться с целым рядом неизвестных величин. Неизвестно, например, что даст нам Урал. Подсчитан план на 25% старой производительности для основных и на 33% для прокатного и других цехов более высокого ряда. Выполним ли этот план—неизвестно. Что даст нам Донецкий бассейн? Дорвемся ли мы до бакинской нефти, до Грозного? Есть множество неизвестных величин, которые вносят в хозяйственный план В. С. Н. Х. неопределенность, шаткость и расплывчатость начертаний. Это сказалось в недостаточной точности тех требований на рабочую силу, которые пред'явил В. С. Н. Х.

Цифры эти будут проверяться на опыте, исправляться. Хороший хозяйственный план, план законченный, тов. Рыков сможет пред'явить нам не сегодня, я опасаюсь даже, что и не на другой год,—может быть, лишь через несколько лет. Но утешительно несомненно то, что мы получаем возможность улучшать наш план, возможность иметь хороший централизованный хозяйственный план.

Как мобилизовать крестьянскую рабочую силу? Разумеется, мобилизационный план, приуроченный к хозяйственному плану, должен быть также приурочен к хозяйству самого крестьянина, т.-е. он должен наносить ему наименьший ущерб. Крестьянин должен терять минимум времени на переброску, на переезд его, как рабочей силы. Он должен быть мобилизован по возможности ближе к тем районам, где он работает. Он должен быть мобилизован, если это возможно, в такой период, когда его хозяйство легче может без него обойтись.

Стало быть, здесь большая работа, большая задача по согласованию потребностей в рабочей силе, в рабочих обще-годовых, по возрастам, по полу, по сезонам и т. д.

Есть еще одна задача, которая сводится к районированию нашей промышленности. Нам нужно иметь мобилизационную карту, на которой должны быть намечены главные центры промышленной жизни—потребители рабочей силы.

Все это—практические задачи, о которых мы сейчас можем говорить лишь в общих чертах, но нужно создать орган, который разрешил бы эти задачи.

Комиссия по трудовой повинности пришла к выводу, что такой орган должен быть создан в виде главного комитета по трудовой повинности с непосредственным подчинением совету обороны. Совет обороны был великим всероссийским толкачем в отношении наших военных задач и мобилизации других ведомств для помощи делу обороны. Совет обороны должен превратиться завтра или послезавтра в совет труда и обороны, но не для того, разумеется, чтобы замещать хозяйственные органы. Руководство промышленностью должно остаться целиком в руках В. С. Н. Х. и его местных органов, руководство земледелием—в руках наркомзема и т. д. Но совет труда и обороны должен в дальнейшем производить такую же перекачку сил и средств энергии в хозяйственную работу, какую в последний период производил в области рабоче-крестьянской обороны. Вот почему главный комитет по трудовой повинности, который по замыслу комиссии должен состоять из представителей наркомтруда, т.-е. его отдела учета и распределения рабочей силы, быть теснейшим образом связанным с профсоюзами, с народным комиссариатом внутренних дел, с народным комиссариа-

том по военным делам, в лице мобилизационного правления всероссийского главного штаба, должен состоять при совете обороны.

Привлечение военного ведомства к этой задаче слишком ясно, чтобы нуждаться в доказательствах. До сих пор опыт широкого учета населения под углом зрения мобилизации, главное же—опыт практической мобилизации с применением, где нужно, принуждения применялся только военным ведомством. Его аппарат необходимо использовать, причем сейчас трудно предрешить в деталях, как аппарат наркомтруда, отдел управления внутренних дел и мобилизационный аппарат военного ведомства сочетаются персонально и организационно. Но это сейчас второстепенное дело, которое будет разрешено на опыте.

На местах, в губерниях, городах и уездах должны быть созданы органы по этому же типу—из представителей отдела труда, отдела управления и военного комиссариата. Эта тройка организует местный комитет по трудовой повинности, и этот комитет должен будет проводить мобилизацию рабочей силы двоякого типа: по нарядам центра и для местных городов, губернии, уездов и т. д. Здесь опять-таки большая практическая задача состоит в том, чтобы согласовать потребность в рабочей силе на местах с нарядами центра, причем по общему плану наряды центра должны иметь первоочередное значение.

Таков в общих чертах тот аппарат трудовой повинности, который, под общим руководством совета обороны должен дать рабочую силу для ближайших хозяйственных планов наших производственных органов и в то же время должен на практике приучить крестьянскую массу к тому, что новый режим обязывает их известную часть своего труда, своих сил отдавать в виде ссуды или в виде задатка советскому государству, которое раньше или позже вернет их ему в виде продуктов городской культуры, в виде большего просвещения и т. д.

Без правильного аппарата, без учета сил для того, чтобы свое решение не оставить в области принципа, а проводить его в жизнь,—без такого правильного аппарата мы трудовую повинность в общегосударственном масштабе не проведем.

Товарищи! Это та область, где аппарат военного ведомства, его навыки, его приемы тесно соприкасаются с хозяйственным аппаратом. По этому вопросу, по вопросу о привлечении военного ведомства и о применении его методов и приемов в области хозяйственной за последнее время было очень много разговоров и суждений. Да и как иначе? Мы стоим сейчас на переломе.

Как в области военной, так и во всех других областях идеи коллективной мысли передовых элементов рабочего класса—профсоюзов, партий, советских учреждений,—Высовнароза, Губсовнархозов и Усовнархозов,—сложились, разумеется, не случайно. И каковы бы ни были их недочеты,—а недочеты у нас имеются во всех областях,—все же эти учреждения являются учреждениями, которые должны крепнуть и которые нельзя ни уничтожать, ни создавать росчерком пера.

Мы подошли к перелому в том смысле, что учреждения должны теперь пополниться новыми силами, несравненно большим количеством рабочих, и должна быть проведена такая же или же еще большая мобилизация творческих сил для хозяйства, как мы это делали для армии. И здесь, несомненно, количество перейдет в качество.

Мобилизация тысяч пролетариев для армии перерождает армию. Возвращение из армии лучших работников, лучших организаторов, разумеется, обогатит в высшей степени нашу хозяйственную жизнь. Они внесут не только свой старый профессиональный опыт, свои старые познания, но и некоторый новый опыт, который имеется не у всех хозяйственных работников.

Если нам предстоит задача мобилизовать многие сотни тысяч и миллионы крестьян с одной стороны, а с другой стороны—мобилизовать в городах, то я спрашиваю: кто имеет больший опыт, кто сможет придать этим элементам правильную организацию, сколотить их, связать дисциплиной, руководить ими? Кто имеет для этого большие возможности, чем те рабочие, которые были в свое время комиссарами пол-

ков, бригад и дивизий, которые руководили и вели в бой тысячи и десятки тысяч тех же крестьян? Огромное преимущество в этом у тех металлистов, у тех текстильщиков, которых вы нам дали на фронт. Огромное преимущество у них, потому что они там, на деле, в огне боев, пришли в соприкосновение с крестьянской массой, с этой вооруженной и организованной массой, в такое соприкосновение, в каком они не находились с нею раньше. Эту массу они видели в бою, в разном состоянии: видели при отступлении, видели, как она голодала по 2-е, по 3-е суток из-за расстройства транспорта, из-за нашего аппарата снабжения, видели, как она дезертировала, как наступала и геройски боролась. Они разжигали в этой массе огонь социализма, огонь борьбы за рабочие идеалы. Они показывали ей твердую руку, когда она сопротивлялась и нарушала дисциплину. Эти рабочие, которые пробыли 1—2 года в рядах армии, ничего не забыли из того, чему они научились на фабриках и заводах. Они все это помнят и все это вам вернут с большими процентами,—они научились там многому новому, они научились в трудных условиях стоять впереди десятков и сотен тысяч ими организованных и ими ведомых в бой крестьянских масс.

И это они внесут в хозяйство, они сумеют мобилизовать сотни тысяч и миллионы крестьян. Как они воевали против белогвардейцев, так они будут воевать против разрухи и против голода, работать по топливу, по добыванию торфа, сланца, на строительных работах, на хлебных заготовках и т. д., и т. д. Этих работ без конца. На этом деле они развернут накопленный опыт, проверенный и обнаруженный на войне, развернут свои творческие и организаторские способности. Вот почему задача привлечения к хозяйственной жизни передовых рабочих, прошедших военную школу, является вопросом огромной важности.

Здесь было немало недоразумений. Когда вопрос об этом встал, то некоторые товарищи вообразили, что кто-то намерен во главе заводов и фабрик ставить военспецов. В газетах писали по недоразумению, что собираются милитаризировать промышленность и хотят поставить во главе военных специалистов. Это—чистейшие пустяки. Ни одному серьезному человеку ничего подобного не придет в голову. Когда мы говорим о внесении военного духа в хозяйство, то первым и последним делом мы хотим через передовых рабочих, прошедших военную школу, внести туда не только умение руководить, управлять и взять в свои руки более отсталые крестьянские массы, но и внести через них туда нечто другое.

Товарищи! На фронте они прониклись большей ответственностью, большей точностью в исполнении и в такой острой форме, какая не наблюдается ни в какой другой области, ибо там от комиссара полка, от командира полка (а у нас немало рабочих, которые командуют бригадой, полком, дивизией), от его точности и твердости зависела непосредственно жизнь тысячи людей. Там они научились ценить порядок, ответственность, точность исполнения приказа, ценить и уважать время. И они помогут вам эти черты внести в хозяйственную жизнь.

Исполнение и точное исполнение—это важнейший принцип военного дела, который применим и к области хозяйства. Вообще к милитаризму мы не можем теперь так относиться, как относились к военной машине буржуазного классового государства. В милитаризме имеются две стороны. Даже в буржуазном милитаризме есть две стороны: вопервых, он является увенчанием классового господства и насилия эксплоататоров над трудящимися: где в хозяйственной жизни существуют помещик и крестьянин, капиталист и пролетарий, там в военной организации офицер, полковник и генерал—с одной стороны, и угнетенный солдат—с другой. Зависимость экономическая здесь получает сугубо вараварский, заостренный характер, потому что армия создается для обороны. И все черты общества, положительные и отрицательные, находят свое отражение в организации армии. Даже более—они принимают в ней более законченный, ярко выраженный характер.

Армия эксплоатирует технику и стремится довести ее до высшего совершенства. Например, как мы ни были бедны, но под руковод-

слом тов. Рыкова наша расстроенная промышленность дала максимум того, что она могла дать. Все вопросы во время войны ставятся остро. Мы можем обойтись без чая, сахара, сапог, но мы должны были доставлять патроны. Правда, были дни и месяцы, когда количество патронов было минимальное, когда эта отрасль была не налажена, но теперь у нас есть запасец, и Ллойд-Джордж и Клемансо могут не беспокоиться,—этот запасец возрастает.

Война—суровое ремесло, где всякая ошибка оплачивается гибелью тысяч людей, а иногда и гибелью государства. Там сплоченность и точность доведены до высшего напряжения. Некоторые товарищи говорят, что там все направлено на разрушение. Это—грубейшая ошибка. Если возьмем капитализм, то вы увидите, как он ценит администраторов, прошедших военную школу. Кто завел лучшую железнодорожную организацию в Германии? Те, кто прошли военную выучку—унтер-офицеры и офицеры. Все государства ценят военную дрессировку, которую милитаризм дает работающим на разных ступенях. Сормовский рабочий, который был комиссаром и вернется на завод для управления или чтобы работать там мастером, разумеется, внесет не разруху, а создаст возможность внести туда элементы точности, исполнительности и ответственности, свойственных военному делу. И задача коммунистического дела—сблизить наше хозяйство с военной силой.

Военное ведомство должно равняться по хозяйству. Там, где районы промышленности, будут и военные округа. Мы будем постепенно, по мере того, как фронты будут сокращаться, переходить к милиционной системе.

Что такое милиционная система? Это значит, что в полк, в бригаду, в дивизию входит население данного района так, как оно живет,—трудящейся артелью, кустом. Будут готовые кадры, будет готовый командный состав. Из кого? Наша задача должна состоять в том, чтобы командиром был наш красный мастер, новый инженер, члены правления заводов и фабрик, чтобы они были нашими полковниками, дивизионными командирами, генералами, нашими батальонными и ротными командирами. Нам нужно наши офицерские курсы расположить в районах главных очагов промышленности, чтобый каждый слушатель таких курсов мог превратиться в офицера и руководить промышленностью данного района.

Периферия крестьян должна подпадать под единое руководство промышленных центров культуры. И, таким образом, данный округ, с заводами в центре, явится в то же время и промышленным, и милиционным округом, и милиционной дивизией. И по мере того, как наша армия будет приспособляться к хозяйственной жизни, наша хозяйственная жизнь будет впитывать в себя те элементы милитаризма, которые являются жизненными—точность исполнения, отношение к хозяйственным приказам, как к боевым приказам. А это нам необходимо до последней степени, потому что нам в хозяйственной жизни не менее грозит гибель, если мы не примем таких мер.

Есть, товарищи, наконец, третий путь, на который мы натолкнулись самой жизнью, третий путь сближения армии с трудом. Это—превращение воинских частей и целых армий в трудовые части и в трудовые армии.

Какие-нибудь недели две тому назад революционный военный совет 3-ей армии обратился к совету обороны с предложением опереться на эту армию, закончившую свою боевую задачу по крайней мере в ближайшее время, и превратить ее в трудовую, не разрушая ее связан, ее военного опыта. После обсуждения военных и хозяйственных органов, это предложение было утверждено советом обороны с теми изменениями, какие были сочтены необходимыми.

В чем основной смысл превращения наших военных армий в трудовые? Мы в известных районах имеем армии, которые выполнили свои боевые задачи и которые, конечно, могли бы понадобиться для военных задач в других районах. Но мы не можем их перебросить в короткий срок из-за расстройства нашего транспорта. Можем ли мы их

демобилизовать, распустить? Ни в каком случае. Если мы чему-либо научились в гражданской войне этих двух лет, так это—осторожности. Мы не имеем права считать, что военная задача закончена.

Да, мы взяли в плен Колчака и он сидит в иркутской тюрьме, с которой многие из нас знакомы не только по наслышке. Но на восток от Иркутска имеются чехо-словаки, которые держат себя двухсмысленно, имеются также японцы. Мы разбили Деникина и он, говорят, сидит на пароходе, но на помощь ему пришла или идет в Черное море англо-французская флотилия, чтобы держать, повидимому, под обстрелом наши города до тех пор, пока остатки деникинских банд не погрузятся на пароходы для эмиграции из России. В то же время газеты европейской буржуазии, ее радио говорят, опровергают и снова говорят о том, что на Кавказ направляется английская армия в 200 тысяч человек. Мало верится, но не исключена возможность, что английский капитал попробует это.

Еще недавно представители грузинского правительства меньшевики и армянского азербейджанского правительства со шляпой в руке стояли перед Клемансо и Ллойд-Джорджем и просили военной помощи. Там им ответили: «Мы вам поможем точно так же, как помогли Деникину». Классический ответ! Превосходная, хотя и бессознательная ирония! Но орудия и пулеметы им даны не иронические, а металлические, и как будет вопрос стоять на северном Кавказе, где еще не добиты банды Деникина, мы не знаем.

Мы твердо уверены, что преодолеем сопротивление в короткий срок—до весны, но мы, конечно, не имеем права разоружиться, не имеем права отпустить домой ни одного солдата. И это, товарищи, теперь, в виду наших больших побед, каждый из вас, представителей с мест, должен ясно и точно сказать у себя на местах.

Пока у нас нет полной и безусловной гарантии неприкосновенности границ советской России, пока мировая политика качается и грозит нам новыми неожиданностями, мы не имеем права приступить к демобилизации. Мы можем, держа армию под ружьем, применять ее частью в большем или меньшем количестве, в зависимости от условий, для хозяйственных задач, мы можем извлекать из нее работников, наиболее для нас ценных в хозяйственном смысле, сотнями, тысячами откомандировывать их для нужд хозяйства с тем, что, если нам понадобится, мы немедленно бросим их на фронт. В таком положении находится 3-я армия. Эта армия свою военную задачу закончила. У нее (теперь эту цифру я могу назвать) не меньше, чем 150 тысяч человек. В этой армии 7 тысяч коммунистов, 9 тысяч сочувствующих. Значит, на 10 красноармейцев приходится 1 коммунист или сочувствующий. Такая армия—армия высоко сознательная, и немудрено, если она сама поставила вопрос о том, что раз ей нельзя дать боевой задачи, то возможно применить ее для трудовых задач в том районе, где она размещена.

Каковы же условия этого трудового применения? Они вытекают из совокупности обстоятельств. Во-первых, мы должны сохранить в целости аппарат армии, мы должны держать ее, как армию, на военном положении. Она не должна раздергиваться по частям, распыляться. В смысле трудовой повинности ей должны быть поставлены ясные и простые задачи. Конечно, армия не может руководить машиностроительными заводами или текстильной фабрикой. Армия не может руководить движением жел. дор. или ремонтом паровозов, но она может совершать, как армия, большие работы, требующие применения массовой силы: рубка и подвоз дров, добыча торфа, извлечение хлеба по продовольственной разверстке и подвоз его к соответствующим путям, чистка путей от снега и т. д.—в зависимости от районного расположения армии и ее отдельных частей.

Далее, поскольку она, как армия, выполняет эти хозяйственные работы массового характера или подсобные работы отдельных заводов и фабрик, она должна получать руководство от тех организаций, которые этими заводами и фабриками, этими районами в хозяйственном смысле руководят. Другими словами, эта армия может вторгаться в

область промышленности лишь постольку, поскольку ее к этому призовет Губсовнархоз или районный представитель В. С. Н. Х. или сам В. С. Н. Х.

В область работы земледельческой она вторгается своей силой лишь по требованию наркомзема и под руководством его представителей. Не может быть никакого нарушения централизованных общегосударственных хозяйственных планов или местных районных и губернских планов. Армия помогает, она дает свою силу, но руководят ею те органы, которые к этому призваны по советской конституции.

Дальнейшим условием применения армии является уравнение продовольственного положения красноармейцев, которые работают здесь, и местных рабочих. Если рабочий мог временно мириться с тем, что рядом с ним имеется армия, которая кормится лучше его, потому что в боевой обстановке эта армия терпит ужасающие лишения: не еот не два и но три дня, вымирает от тифа еще более, чем вымирают наши голодающие рабочие, то в трудовой обстановке ничем нельзя оправдать того, чтобы красноармеец-рабочий кормился лучше, чем рядом с ним живущие уральские рабочие. Поэтому на 3-ю армию возложена задача, под руководством представителя наркомпрода, в районе ее расположения (а это огромный район) обеспечить всех уральских пролетариев пайком не ниже красноармейского.

Само собой разумеется, что задачей местных профсоюзов и политических советских организаций является с самого начала войти в теснейший контакт, в теснейшую связь с этой армией для того, чтобы никакой отчужденности между военной организацией и организацией трудовой не оставалось в дальнейшем.

Доклады, какие товарищи посылают нам оттуда, свидетельствуют, что они себе в своих задачах отдают совершенно ясный отчет. Там духа солдатофонства, духа отчужденности и противопоставления себя пролетарской среде нет и не может быть и в помине, ибо во главе этой армии стоят те же рабочие. Одним из руководителей ее является товарищ Локатсков, уральский пролетарий, популярный на Урале товарищ.

В организации армии, конечно, приходится делать изменения, приспособляя ее к потребности труда. Я вам прочитаю выдержку из одного донесения, которое характеризует организационный подход к делу. Вот что сообщают тов. Даевский и Локатсков:

«УРАЛЬСК, 19 января. На вашу телеграмму сообщаю: содействие армейского аппарата сельскохозяйственной кампании в области даст не только громадное увеличение площади засева, но лишь при наличии такого содействия разрушенные здесь хозяйства смогут вновь приступить к производительной работе. Наличие значительного запаса машин в области, требующих ремонта, диктует настоятельную необходимость напрячь все силы к приведению их в порядок и даст все основания с их помощью обработать громадные участки земли. Вместе с тем необходимо исчерпать все возможности к увеличению прозоспособности жел. дороги Покровск—Уральск, где на станциях, в районе Алтата—Ершово, под открытым небом сложены миллионы пудов хлеба, невмещающиеся в амбарах. Состоявшееся сегодня совещание ответственных работников армии укрепленного района, с представителями областных советских и партийных организаций: ревкома, комитета партии, земотдела, Совнархоза, профсоюзов, обпродкома, железнодорожников и проч., наметило план работы и дало задания заведующим отдельными отраслями народного хозяйства, главным образом, земотделу и Совнархозу, в ближайшие дни представить цифровые материалы учета потребностей живой силы и технических средств, необходимых немедленно при данной обстановке для поднятия производительности основных отраслей хозяйства».

Начальником штаба армии назначается рабочий с большим и всесторонним хозяйственным опытом. Таковой имеет и бывший начальник штаба, офицер генерального штаба, который дается ему как помощник. Как только армия перейдет на военное положение, снова произойдт, разумеется, изменение, и бывший начальник штаба займет свой

пост. Оперативное отделение переименовывается в оперативно-трудовое. Оно ведает, как и раньше, исполнением и подготовкой оперативно-трудовых приказов и составлением трудовых сводок. Если раньше это оперативное управление передавало приказы: «взять такую-то деревню, в таком-то направлении продвинуться на столько-то верст вперед», то теперь через это управление будут итти приказы трудовые: «на таком-то участке заготовить столько-то кубов дров». Сводки будут сосредоточиваться здесь же; во главе ставится опять рабочий с хозяйственным опытом.

Вы представьте, товарищи, каким колоссальным преимуществом у этой организации является ее налаженная централизованная, телеграфная и телефонная связь. Каждый полк имеет свое телефонное имущество, натягивает свою нить, устанавливает связь со штабом бригады, через штаб бригады со штабом дивизии, с армейским штабом, и вы имеете таким образом большое количество трудовых рабочих артелей, разбросанных на огромном пространстве, привыкших точно подчиняться приказам, получающих приказы по определенным линиям и дающих отчет об исполнении в тот же день.

Вместо разведывательного отдела организовано учетно-статистическое, сохраняя и приспособляя наличный состав к этой работе. Отдел связи, о котором я только что говорил, сохраняется в том же виде. Ему предстоит колоссальная работа связать все работающие части и учреждения со штабом так, чтобы результаты работы ежедневно к 22 часам были известны штабу. Далее, при совете трудовой армии организуется научно-технический отдел для разработки обще-хозяйственных планов. Бывшие начальники отделов и отделений штаба и всех вообще армейских управлений там, где это необходимо, переименовываются в военруков, помощников по военной части, ибо красная армия, как военный организм, не распускается. Начальниками отделов и отделений назначаются уже испытанные рабочие-коммунисты с соответственной хозяйственной подготовкой; таковые уже имеются.

Донесение заканчивается словами, что «все это дает надежду на то, что эта первая армия действительно превратится в советскую армию труда». У меня имеется их первая трудовая сводка, которая говорит о количестве заготовленных кубов дров, о подвезенных кубах дров, о том, сколько плотников откомандировано в копи, о том, что занимаются ремонтом паровозов и т. д., и т. д.

Разумеется, все это пока только начало. Многое здесь окажется неправильным, многое здесь будет фантастическим и отброшено; много лишнего, что будет исправлено. Но самая основа не может быть лишней или неправильной, потому что это—та же самая основа, которая имеется во всем нашем советском строительстве.

Мы здесь имеем несколько тысяч уральских и других рабочих, которые стоят во главе армии. Мы имеем несколько десятков тысяч крестьян разных степеней сознательности, которыми руководят эти фронтовые рабочие. Что это такое? Это—маленькое отражение всей нашей советской России, это маленькое отражение всей нашей хозяйственной жизни в целом, состоящей из миллионов рабочих и миллионов крестьян, а руководящий аппарат состоит из наиболее сознательной части крестьян и подавляющего большинства городских рабочих.

Почему же этому организму не быть жизненным, если жизненна вся наша советская Россия?

Вот почему мы после того, как был проделан этот первый опыт, сейчас же перенесли его на ряд других. Запасная армия уже приспособлена к работам в области транспорта. Постановлением совета рабоче-крестьянской обороны рабочая армия, формировавшая подкрепления и пополнения для наших фронтов, армия с очень хорошим аппаратом управления, со штабом в Казани, целиком передана наркомпути для обслуживания Московско-Казанской и Екатеринбургско-Казанской жел. дорог.

На такое же положение переведена третья армия—третья по счету, а четвертая по нумерации. Эта армия, которая двигалась по линии

реки Урала, выполнила свою боевую задачу и ей поставлена советом обороны задача оказывать содействие комитету государственных сооружений и наркомпути в деле скорейшего проведения железной дороги Александров-Гай—Эмба для вывоза нефти. Мало того, Уральская область, где гражданская война имела особо жестокий характер, опустошена, разорена и лишена рабочей силы, необходимой для с.-х. работ. По соглашению с народным комиссаром земледелия тов. Середой мы послали туда запрос относительно возможности использования силы и средств четвертой армии для ремонта с.-х. орудий и машин, а весной—для участия в обработке земель.

Вот, товарищи, новая область, новый опыт, пока только опыт, применения живой силы армии, ее инвентаря для хозяйственных, в данном случае с.-х., задач.

Совет обороны уже утвердил образование трудовой армии на Украине по соглашению с украинским ревкомом. Намечено образование трудовой армии на северном Кавказе, и это образование станет особенно неотложным тогда, когда мы подойдем к нефтяным источникам Грозного.

На севере у нас заключено перемирие, которое, мы надеемся, приведет к миру с Эстонией. Там стоит 7-я армия. Это—район, богатый торфом и сланцами. Там в принципе решено использовать силы 7-й армии, которую мы не можем демобилизовать, не можем распускать, ибо Финляндия еще бряцает оружием и еще мы не знаем, что будет завтра с Эстонией и Латвией. Мы можем, однако, и должны живую силу 7-й армии применить для торфяных и сланцевых работ.

Вот один из путей использования живой человеческой, организованной, уже мобилизованной силы, главным образом, на наших окраинах, столь богатых сырьем. Если там они это сырье поднимут, сосредоточат к железнодорожным узлам, если они помогут с наших рельсовых путей очистить снег, приведут в более энергичное движение наши железные дороги и направят нам сюда, в центр, в главные очаги хозяйства, хлеб и дрова, то поток крови по жилам советского хозяйства притечет к сердцу, и оно забьется правильнее крепче, энергичнее. Хозяйственный организм оживет.

Поэтому было бы совершенно непростительно отнестись без внимания, без необходимой поддержки к этому первому опыту, имеющему огромное принципиальное и материально-хозяйственное значение — к опыту применения наших армий для хозяйственных задач. Раз нам нужно переходить к трудовой повинности в широком масштабе, использовать сотни тысяч и миллионы крестьян для хозяйственных нужд, мы их не сможет мобилизовать через профессиональные союзы. Их можно будет мобилизовать только или преимущественно при применении военных методов. Их придется организовать в трудовые организации, придется придать организацию, близкую к военной—трудовые команды, рабочие роты, рабочие батальоны. Поскольку там мы будем иметь массы, еще не прошедшие выучки профсоюзов, придется делать организации преимущественно военные. Мы имеем такие организации уже в лице наших армий. Стало быть, их нужно использовать, приспособить к хозяйственным задачам. Это и делается сейчас.

Применение трудовых армий, по мнению либеральных болтунов, может вызвать аракчеевщину. Мы в праве вполне отбросить эту болтовню. Мы говорим, что передовые слои рабочего класса взяли в свои руки управление страной и они имеют право навязать наиболее отсталым частям трудящихся масс принудительный закон трудовой повинности, ибо завтра, послезавтра, когда скажутся плоды, крестьянство, самые отсталые его части поймут, а лучшая часть крестьянства понимает и теперь, что эта трудовая повинность была необходимым законом.

Вот в каком смысле, товарищи, мы говорим о милитаризации хозяйства, вот в каком смысле о ней можно говорить. Об этом нельзя говорить, как о принудительности извне, как об инициативе военспецов. Это—жалкая смешная фантазия.

Кто может внести в трудящиеся массы сознание этой необходимости? Только передовые слои рабочего класса, т.-е. в первую голову индустриальный пролетариат. Если возьмете в первую голову нашу боевую армию, которая сражается и умирает на фронтах, то посмотрите, кто ее создал, кто в нее внес дисциплину, принудительность и властное слово приказа? Организуют это не отдельные военспецы, среди которых есть много прекрасных работников. Нет, все эти черты подлинной милитаризации рабочих и крестьян в виде красной армии внесены были и вносятся сейчас передовыми слоями рабочих Москвы, Петербурга и всей России.

Как мы поступили для создания красной армии? Она была вначале партизанскими отрядами или сборищами сырых рабочих сил, а мы милитаризировали рабочих, мы собирали рабочих на собрания и говорили им: «Мы стоим перед опасностью, близкой к гибели. От вас, передовые рабочие, зависит внести в эти массы сознание готовности умереть или победить». Эти передовые рабочие, милитаризовавшие сами себя, милитаризовали крестьян и повели их в бой.

Такая же задача у передовых рабочих стоит по отношению во всему хозяйству, по отношению ко всеобщей трудовой повинности. Нам нужно сказать прежде всего передовым рабочим, что на хозяйственном фронте, на экономическом фронте нам сейчас грозит самая страшная опасность, более грозная, чем та, которая грозила нам, когда Деникин был севернее Орла, когда Юденич подходил к Пулковским высотам Петрограда. Здесь опасность страшнее, ибо она всеоб'емлюща, но мы, товарищи, отличаемся от французских и бельгийских рабочих тем, что они еще—рабы капитала, а мы сами отвечаем за свои судьбы. Мы имеем возможность и должны найти в недрах рабочего класса подспудную энергию, извлечь ее наружу, привести в движение, милитаризовать себя и более отсталые массы. В настоящее время точность, исполнительность, строжайшая ответственность до конца в большом, как и в малом, должны проводиться в рабочих массах в самой строжайшей мере.

Мы должны поставить вопросы хозяйства в центре. Каждый отсталый работник или работница-крестьянка должны знать об этом. Мы должны три четверти, девять десятых столбцов своих газет отводить вопросам хозяйства. Каждый гражданин страны, передовой или отсталый, должен знать, что у нас есть. Сормовский, Коломенский заводы, такие-то и такие-то текстильные фабрики, что они производят, что они лучше производили в апреле, чем в марте и в феврале. Мы должны следить за тем, чтобы у нас были заводы любимые, где пульс работ бьется как следует. Должны быть заводы, которые чувствуют себя павшими во мнении всей советской страны, ибо в них напряженность и производительность труда ниже, чем в других заводах. Каждый новый паровоз, выходящий с паровозостроительного завода, должен быть отныне новым советским праздником, об этом каждая работница и крестьянка должны знать, что это их паровоз. За ремонтом паровозов мы должны следить так, как мы следим за пульсом дорогого нам больного брата, сестры или жены.

И если передовые рабочие всей страны все свои мысли, всю свою волю, всю свою революционную страсть вложат в дело хозяйства, как они вложили ее в дело армии, то я не сомневаюсь, что мы выведем Россию на большую новую дорогу на посрамление врага и на радость друзьям.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Ред.-Изд. Отд. В. С. Н. Х. Кузнецкий пер., 3.

PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

